

Академия Наук СССР — Грузинский филиал
Труды Абхазского Научно-Исследовательского Института
им. акад. Н. Я. Марра
Отдел истории и этнографии

Выпуск XIX

Г. А. ДЗИДЗАРЯ

БОРЬБА ЗА АБХАЗИЮ
В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ
XIX ВЕКА

ИЗДАНИЕ АБНИИ АН СССР
АБГИЗ — 1940 — СУХУМИ

Печатается по постановлению РИСО
Грузфилиала АН СССР

Ответственный редактор *А. Н. Мелихов.*
Технический редактор *И. П. Тищенко.*

Сдано в производство 26/X 1940 г. Подписано к печати 27/XII 1940 г.
Объем 2 печ. листа. Вместимость 1 печ. листа 51200 тип. зн. Формат
бумаги 62×94. Заказ № 7062. Тираж 1100. ГБ 1031.

Типо-литография Абгиза, гор. Сухуми, ул. Ленина, № 4.

В 1801 году Картло-Кахетинское царство было присоединено к России.

В 1803 и 1804 гг. владетель Мегрелии и имеретинский царь один за другим принимают русское подданство. Царские дипломаты вслед за этим начинают оживленные дипломатические переговоры и с владетелем Абхазии Келеш-беем Чачба (Шервашидзе).

Если Кавказ в целом нужен был царизму как форпост в борьбе с шахским Ираном и султанской Турцией, то Абхазия, в частности, нужна была ему как опорный пункт на восточном берегу Черного моря.

Завоевание Абхазии с Сухумом делало русских хозяевами северо-восточного берега. Оно позволяло связать край, выражаясь языком документа, „беспрепятственным“ сообщением с Тавридою, отрезать все горские народы от сообщения с турками, а эти народы „содержать в ненарушимой покорности“.

Почти через полвека после захвата Сухум-Кале, в 1858 г., начальник войск в Абхазии генерал-майор Лорис-Меликов писал: „Необходимость и важность прочного занятия Абхазии, имеющей единственный хороший порт на восточном берегу Черного моря,—страны, которая, признавая власть России, должна бы служить основанием к распространению нашего владычества по всему восточному берегу, конечно, не может подлежать какому бы то ни было сомнению“¹⁾.

„Главнейшие выгоды, представляющиеся от приобретения Абхазии под всероссийскую державу, состоят в том,— писал главнокомандующий в Грузии граф Гудович незадолго до захвата Сухум-Кале,—что тогда лучшие приморские места Черного моря, богатые корабельным лесом, приобретутся под власть России; что восстановится безвозбранное сообщение с Крымом и что, наконец, мы будем иметь в своей власти 2 крепости, Анакру и

---

¹⁾ Рапорт начальника войск в Абхазии г.-м. Лорис-Меликова кутаисскому ген.-губ. г.-л. Эрстову от 12—VIII 1858 г.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (К. А. К.), т. XII, ч. III, стр. 732.

Сухум-Кале,—следовательно тогда с сей стороны Мингрелия будет совершенно обеспечена“¹⁾. (Разрядка моя. Г. Д.).

Из этого отношения графа Гудовича видно, что к завоеванию Абхазии царская Россия подходила не только с точки зрения стратегической выгоды, которая вначале играла доминирующую роль, но и с точки зрения экономической.

Абхазия таила в себе большие экономические возможности. Но ее надо было еще завоевать. В то время весь смысл плана завоевания Абхазии сосредоточивался на приобретении крепости Сухум-Кале²⁾, захват которой царской Россией значительно ослаблял влияние турок в приморской части Западного Кавказа.

Заняв Сухум-Кале, царская Россия получала возможность стать вооруженной ногой на абхазскую почву, а это означало в перспективе подчинение и всей Абхазии, т. к. крепость Сухум-Кале с русским гарнизоном должна была явиться исходной точкой для дальнейшей колониальной экспансии.

„Владея Сухумом,—пишет военный историк генерал-майор Потто,—мы получали бы себе Абхазию, но Абхазия без Сухума едва ли представляла для нас большой интерес“³⁾. (Разрядка моя. Г. Д.).

В перспективе, после устройства хорошей дороги через перевал и вдоль Черноморского побережья, Сухум обещал превратиться в большой торговый центр, связующий русские области Северного Кавказа с Западной Европой. Кроме того, Сухум „прекрасный и единственный порт,—по словам Раевского,—для торговли Западной России с Закавказским Краем, Персией и восточною частью азиатской Турции“⁴⁾.

Сухум-крепость, Сухум-бухта, Сухум-торговый пункт—должны были стать русскими.

Таким образом, переход Абхазии с Сухумом под протекторат России вполне отвечал политическим и экономическим интересам последней. Владелец Абхазии Келешбей Чачба (Шервашидзе), во главе части феодальной верхушки, обстоятельствами вынужден был пойти навстречу интересам царской России.

¹⁾ Отношение графа Гудовича к графу Салтыкову от 3—III 1809 г. Акты, т. III, стр. 209.

²⁾ Крепость Сухум-Кале турки восстановили в 1578 г. на месте развалин крепости старого города Севастополя, основанного римлянами. Сухум-Кале, который являлся резиденцией паши, управлявшего кавказским берегом, а также крепости Поти и Анапа позволяли туркам держать в повиновении Абхазию, Имеретию, Мегрелию и Гурию.

³⁾ „Утверждение русского владычества на Кавказе“, под ред. г.-м. Потто, Тифлис, 1901 г., т. II, стр. 44.

⁴⁾ Акты, т. IX, стр. 471.

В течение XVI—XVIII вв. Турция стремится установить окончательно свое господство на всем кавказском побережье Черного моря. На протяжении этого периода султанские агенты-паши брали дань с абхазов и всячески их притесняли. Турция наводняет Абхазию муллами, дервишами (монахами), кадиями (судьями) и другими фанатично-религиозными элементами с целью омусульманить край, навязать абхазам идею рабской покорности султану и, наконец, полностью отуречить абхазский народ. Свободолюбивый абхазский народ, во имя своей горячо любимой родины, не раз поднимался единодушно на борьбу, обращая в позорное бегство турецких поработителей. Но турки, хорошо знавшие цену Абхазии и мечтавшие осуществить свой план агрессии, вновь и вновь возвращались, жестоко разоряя ее цветущие долины, варварски разрушая древние памятники архитектуры.

Успех турецкой агрессии в Абхазии был обусловлен внутренним состоянием страны. Абхазия, как и вся Грузия, раздиралась внутренней феодальной борьбой. Бесконечные феодальные междоусобицы мешали абхазскому народу в его героической борьбе с турецкими поработителями, мешали единодушно выступить против общего врага. Они ослабляли владетельного князя, который не в силах был противостоять войскам султанской Турции. Турецкие агенты, искусенные в политических интригах, ловко использовали эти внутренние раздоры. Они разрушали единство владетельной семьи, натравливая ее членов друг на друга. Путем спровоцированных восстаний эти агенты выдвигали в качестве владетелей из фамилии Чачба (Шервашидзе) лиц, обеспечивавших незыблемость турецкого протектората и регулярное взимание установленной дани.

В середине XVIII в., путем такого восстания во главе с Леваном Чачба, был свергнут Манучар, абсолютистские тенденции которого стали очевидными с улучшением экономической жизни страны в первой половине XVIII в. Мечта Манучара о независимом существовании Абхазии не сбылась. Сухумский паша выслал Манучара и его братьев, Ширвана и Зураба, в Турцию. Впоследствии последнему удалось пробраться в Мегрелию, а затем в Абхазию и стать ее владетелем.

Во время пребывания князей Чачба в ссылке в Абхазии усиливается фамилия эшерских тауадов Дзяпш-ипа, которые заняли окрестности Сухума и присвоили себе различные административные доходы, принадлежавшие владетелю Абхазии. Зураб, не имея возможности бороться

с этой фамилией, старался сохранить с ней дружественные отношения и даже женил на княжне Дзяпш-ха племянника своего Келеш-бея, сына Манучара. Чувствуя за собой поддержку сильной фамилии, Зураб в 1771 г., при содействии дяди своего Левана, поднял восстание и изгнал из Сухума турок. Это было поистине крупное народное восстание, направленное против султанских притеснителей. Но скоро туркам удалось посредством золота привлечь на свою сторону Левана, и последний сдал им Сухумскую крепость (за 20 турецких мешков, или 24 тыс. франков).

В конце 80-х годов XVIII в., когда создались более благоприятные условия, турецкий султан устранил Зураба и признал владельцем Абхазии Келеш-бея, который, по его расчетам, удовлетворял всем требованиям Оттоманской Порты¹⁾. Но султан жестоко ошибся в выборе: Келеш-бей также мечтал об освобождении Абхазии. В этом отношении он был достойным сыном знаменитого Манучара и верным продолжателем традиции своего дяди, горячего патриота Зураба Чачба.

Семен Броневский, писавший в 1810 году, подчеркивает, что Келеш-бей, „имея около себя до 10 000 вооруженных абхазов, мало заботился о выполнении фирманов, от Порты насылаемых. Однакож в удовлетворение гордости дивана называл свои войска турецкими, как между тем употреблял оные для собственных видов“²⁾.

Отвага, чувство независимости и презрение к султанской власти—вот что характеризует этого незаурядного владельца. Эти качества вырабатывались и воспитывались в Келеш-бее абхазским народом, ненавидевшим турецких захватчиков и унаследовавшим от своих дедов и отцов стремление к свержению турецкого ига. Среди абхазских владельцев Келеш-бей был наиболее выдающимся. Это был энергичный, одаренный от природы умом и предприимчивостью, самостоятельно действовавший правитель. Он первое время старался поддерживать „приятельские“ отношения с султаном с целью подчинения себе феодалов и укрепления центральной власти.

Абхазия к этому времени, представляла собой слабую феодальную страну, где господствовал феодальный способ производства со всеми чертами, свойственными данной хозяйственной системе. Следствием господства этого феодального способа производства была раздробленность Абхазии на целый ряд почти независимых феодальных вла-

¹⁾ Официальное название султанской Турции.

²⁾ С. Броневский. „Новейшие географические и исторические известия о Кавказе“. Москва, 1823 г., ч. 1, стр. 346.

дений¹⁾, каждое из которых представляло собой изолированный мирок с замкнутым натуральным хозяйством и с очень слабыми меновыми связями.

Для того, чтобы улучшить положение страны и укрепить свою власть, Келеш-бей поставил перед собой задачу централизовать княжество.

Келеш-бей, заручившись поддержкой Турции, во имя выполнения своей задачи, повел решительную борьбу против владетелей, стремясь превратить их в простых вассалов.

Руководствуясь желанием создать централизованное княжество и обуздать своеволие крупных феодалов, он выступил в первую очередь против тех из них, которые были наиболее опасными для его власти. Келеш-бей нанес жестокое поражение атарскому владельцу Бекир-бею Чачба²⁾, двоюродному брату, принудил к покорности цабальских (цебельдинских) князей Маршания, расправился с эшерскими феодалами Дзяпш-ипа, причем развелся с княжной Дзяпш-ха, брак с которой в свое время был заключен из политических соображений. Отпустив жену, он перенес свое нерасположение и на старшего сына от нее, Асланбея, которого лишил наследственных прав в пользу младшего сына, Сафар-бея, рожденного от второй жены из крестьянской фамилии Лейба (сел. Мгудзырхуа). Келеш-бей подчинил своей власти также Самарзакан.

Самарзаканом управляли представители особой ветви фамилии Чачба³⁾, которые, воспользовавшись распрями во владетельном доме, приобрели к этому времени автономию. Но сами они скоро попали в зависимость от владетелей Мегрелии Дадиани.

1) Абхазия делилась на следующие феодальные владения:

1. „Абхазия“—внутренняя Абхазия (нынешний Сухумский район).
2. Самарзакан, или Самурзакань (нынешний Гальский район).
3. Бзыбская Абхазия (нынешний Гудаутский район).
4. Абжуйская Абхазия—средняя Абхазия (нынешний Очамчирский район).

5. Цабал, по другой транскрипции—Цебельда.

2) Бекир-бей был женат на княжне Ачба (Анчабадзе, самая влиятельная тогда фамилия в Абхазии) и, рассчитывая на поддержку этой фамилии, решил выйти из повиновения владетеля. Келеш-бей окружил Бекира в крепости, находившейся около сел. Атара. Спасению Бекира, между прочим, способствовала просьба его жены, которую Келеш-бей взял себе в жены, оставив Бекира попрежнему владельцем.

3) Самарзаканская ветвь фамилии Чачба начинается от Куапа, последнего общего родоначальника обеих ветвей Чачба. Владетель Абхазии Джигешия Чачба назначил в Самарзакан брата своего Куапа. Куап составил „дружину“ и отправился в свой „удел“. Имена потомков Куапа, непосредственно следовавших за ним, неизвестны. Достоверные сведения о самарзаканских Чачба начинаются с Марзакана, от имени которого произошло самое название страны.

Келеш-бей, с целью заставить Даднани отказаться от своего вмешательства в дела Самарзакана, неожиданно (в 1799 г.) двинулся на столицу Мегрелии Зугдиди. Растерявшиеся Григорий и Манучар Даднани принуждены были заключить мир, по которому Келеш-бей закрепил за собой Самарзакан и получил крепость Анаклию за р. Ингуром. Взяв заложником в обеспечение мира наследника мегрельского княжества Левана и назначив управлять Самарзаканом своего сына Махмед-бея, которому одновременно пожаловал имения в Анаклии, Келеш-бей с большим триумфом возвратился в Сухум-Кале.

Разгромив наиболее непокорных абхазских феодалов, Келеш-бей при поддержке турок, в отношении которых он пока что сохранял лояльность, объединил в своих руках управление всей Абхазией и перенес свою резиденцию из Лыхны¹⁾ в Сухум-Кале.

„Расширяя... свою власть и владение,—пишет С. Броневский,—он (Келеш-бей. Г. Д.) сделался, наконец, повелителем всей полуденной Абхазии посредством приобретенного им влияния между разными коленами абхазов, горских и побережных, прибежавших под его покровительство“²⁾.

Келеш-бей сделал свое княжество грозой для соседей, которых приводило в трепет одно его имя. Авторитет Келеш-бея возвысился не только в глазах абхазских феодалов, но и в глазах царей и владетелей соседних царств и княжеств. Так, имеретинский царь Соломон II вынужден был дать слово Келеш-бею, что не тронет владетеля Мегрелии Григория Кациевича Даднани, заслужившего благосклонность сильного соседа,—абхазского владетеля. При этом, однако, Келеш-бей сам не прочь был захватить Мегрелию.

В 1803 г. Григорий Даднани, оказавшись между двумя соседями, стремившимися захватить его княжество, поспешил принять русское подданство.

24 октября 1804 г. в Зугдиди скоропостижно умер Григорий Даднани. Наследник его, малолетний сын Леван, рескриптом императора Александра I от 26—I 1805 г. был объявлен владетелем Мегрелии. Но Леван находился заложником у Келеш-бея. Князь Цицианов, царский наместник на Кавказе, несколько раз предлагал Келеш-бею возвратить наследника, которого нужно было провозгласить владете-

---

¹⁾ До 1864 г. резиденцией абхазских владетелей Чачба официально считалось селение Лыхны, которое также называлось Соук-Су, что значит по-турецки „холодная вода“. У абхазов сел. Лыхны было известно с незапамятных времен и всегда играло в политической жизни Бзыбской Абхазии первенствующую роль.

²⁾ С. Броневский. „Новейшие географические и исторические известия о Кавказе“, ч. I, стр. 346.

лем, но Келеш-бей уклонялся от прямого ответа и, наконец, потребовал за Левана выкуп в размере 10 кес (1820 руб. серебром) и в качестве заложника брата последнего. Тогда князь Цицианов приказал г.-м. Рыкгофу¹⁾ „подкрепить требование вооруженной рукой“.

Но так как из-за отсутствия дорог, и по целому ряду других причин, передвинуть войска из Тифлиса для открытых военных действий против Келеш-бея было весьма трудно, то Цицианов предложил произвести десантные операции. Стопушечный корабль „Тобольская богородица“ и фрегат доставили и высадили в Редут-Кале (в марте 1805 года) пехотный Белевский полк.

Генерал Рыкгоф с вверенным ему отрядом (3 роты) и мегрельским ополчением переправился через р. Ингур и разорил верст на 20 попутные селения. Эта жестокая мера имела успех: на 4-й день похода абхазские князья представили 8 заложников. Дело шло к миру. Дальнейшее продвижение оказалось невозможным из-за отсутствия дорог в непроходимых лесах.

Рыкгоф направился к крепости Анаклии, которая считалась принадлежащей Турции и последней вверена охране Келеш-бея. В этот момент случайным выстрелом был убит солдат русского отряда. В ответ Рыкгоф в тот же день (28—III 1805 г.) занял крепость. Начавшиеся переговоры были прерваны. Рыкгоф решил берегом моря пойти на Сухум, но Келеш-бей, почувствовав непосредственную опасность, 2—IV прислал к нему князя Левана и просил прекратить военные действия.

По этому поводу Цицианов доносил царю от 12—IV 1805 г., что „Келеш-бей, абхазский владелец, имевший в аманатах наследника Мингрелии кн. Левана, сколько ни упорствовал в выдаче его, но видя невозможность противиться силе высокославного оружия в. и. в., потому что для освобождения Левана военною рукою послал я отряд под командою шефа Белевского мушкетерского полка ген.-м. Рыкгофа с 3 ротами, весьма успешно там действовавшими, принужден был уступить нашим требованиям и 2-го числа сего месяца Леван нам от него выдан“²⁾. Но кн. Цицианов столь же был обрадован успехом своего бравого генерала, сколь был встревожен взятием кр. Анаклии, принадлежавшей дружественной Турции. На Западе „III коалиция“ готовилась к решительной схватке с „императором французов“. Всякие осложнения с Турцией в этот момент могли иметь серьезные последствия.

¹⁾ Шеф Белевского мушкетерского полка, находившегося в Мегрелии (в укреплении Редут-Кале).

²⁾ Рапорт кн. Цицианова от 12—IV 1805 г. „Акты“, т. II, стр. 510.

„Сие при первом шаге,—продолжал Цицианов далее рапортовать царю,—столь успешное действие непобедимых войск в. и. в. в том краю, долженствующее поселить страх и уважение к российским войскам во всех Мингрелии владельцах, сколь ни обрадовало меня, не меньше однако же встревожен я сверх чаяния моего случившимся происшествием, что ген.-м. Рыкгоф, столь славно выполнивший данное ему поручение, не известен будучи о политических наших обращениях с Оттоманскою Портою, без моего на то повеления взял с 3-мя ротами пристань Анаклию, хотя и принадлежащую Келеш-беку, но состоящую в зависимости от Порты и имеющую в себе турецкий гарнизон“¹⁾.

Кн. Цицианов предписал г.-м. Рыкгофу немедленно возвратиться обратно. Последний написал письмо Келеш-бею, в котором объявил о возвращении крепости Анаклии. Келеш-бей довел до сведения Порты содержание этого письма, т. к. перед этим он доносил Оттоманской Порте о занятии русскими войсками крепости. Значение этого инцидента было таково, что вскоре после взятия крепости последовал рескрипт обеспокоенного императора Александра I к Цицианову, в котором император требовал немедленного ее возвращения и ликвидации конфликта. Кроме того, еще до отправления этого рескрипта было дано из Петербурга распоряжение царскому посланнику в Стамбуле Италинскому заверить Порту, что случилось „сие совершенно нечаянно и по ошибке“.

Турецкое правительство, которое действительно было обеспокоено известием о занятии Анаклии войсками „дружественной“ державы, удовлетворилось данными ему объяснениями, и происшествие это не имело никаких осложнений.

В сел. Бандза 9—VII 1805 г. Леван, в присутствии дяди Манучара Дадиани, самарзаканских князей Левана и Манучара (Манча) Чачба, принес присягу на верноподданство России. Келеш-бей не только не был наказан за ослушание, но даже получил 1000 рублей от ген.-л. Глазенапа через поручика Амираджибова за убытки, понесенные им во время взятия крепости.

Русское правительство, чувствуя непрочность положения в Грузии, пока старалось не „замечать“ Абхазию, боясь вызвать дипломатические осложнения с Турцией, под протекторатом которой формально находилась Абхазия.

Но Келеш-бей сам пошел навстречу русскому царизму, нуждаясь в помощи последнего, так как его усилия окончательно сломить сепаратизм крупных феодалов и создать

¹⁾ Там же.

мощное централизованное княжество не принесли желаемых результатов.

Так, например, владетель Самарзакана Манучар Чачба, назначенный после смерти Махмед-бея, стремился не признавать Келеш-бея. Независимо от последнего он даже стал вести через родственников своей жены Даднани переговоры о вступлении в российское подданство, благодаря чему Самарзакан гораздо раньше был присоединен к России.

9—VII 1805 г., когда Леван Даднани в с. Бандза принес присягу на верноподданство России, Манучар с братом Леваном также присягнули.

Дзяпш-ипа только искали удобного случая для расправы с Келеш-беем, а цабальские Маршания, ущемленные грозным владетелем, мечтали о прежней независимости.

Умный Келеш-бей не мог не чувствовать непрочности положения владетельской власти, ограниченности средств для сохранения в стране порядка и своего авторитета, ненадежности поддержки со стороны Турции, вассальная зависимость от которой давно уже его тяготила.

В такой обстановке Келеш-бей окончательно решил отказаться от „дружбы“ с Турцией. Это заставило его искать более твердую внешнюю опору в лице царской России.

Нужно заметить, что еще в 1770 г. владетель Самарзакана Леван, желая предохранить Абхазию от дальнейшего усиления агрессии султанской Турции, вел переговоры с начальником русского отряда генералом графом Тотлебеком, направленным в Грузию Екатериной II, о принятии Абхазии под российское покровительство. Но переговоры не привели к определенному результату, так как Тотлебен в это время был отозван из Грузии, а затем и его отряд покинул Грузию.

Покровительство России было для Келеш-бея тем более важно, что он хотел довести борьбу с крупными абхазскими феодалами (Дзяпш-ипа в частности) до своего логического конца и надежным образом обеспечить за Сафар-беем наследственные права, так как, по существовавшим обычаям, дети князя от жены простого сословия не могли наследовать отцу.

Обстоятельства заставили его озаботиться подысканием себе союзников. С этой целью он еще при жизни Григория Кациевича Даднани решил женить наследника на Тамаре Кациевне, сестре мегрельского владетеля. Григорий, в свою очередь, был чрезвычайно рад этому обстоятельству, полагая приобрести себе в воинственном Келеш-бее покровителя против теснившего его имеретинского царя Соломона II. Против воли матери и мегрельского духовенства

он решил выдать свою сестру за Сафар-бея, сына Келеш-бея. Но так как, согласно христианской религии, мусульманин не мог жениться на христианке, то Сафар-бей, с разрешения отца, принял (строго конспиративно) христианство и христианское имя Георгий.

После этого Келеш-бей начинает секретные переговоры с царским генералом Цициановым. Желание владельца Абхазии было уже известно царским дипломатам.

30—VI 1803 г. князь Цицианов писал Григорию Дадiani: „Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-бей Шервашидзе, абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство в. и. в. моему государю, и что будто он никак не зависел от блистательной Порты Оттоманской и якобы упомянутый Келеш-бек просит в. св. употребить ваше ко мне по предмету сему посредство“¹⁾. (Разрядка моя. Г. Д.)

Но царское правительство, боясь осложнений во взаимоотношениях с Турцией, что было крайне невыгодно накануне войны с Наполеоном I, принуждено было сдерживать не в меру ретивых дипломатов и проявлять осторожность в переговорах с владетелем Абхазии.

Пока что царские дипломаты ведут только подготовительную работу, „нащупывают почву“...

„Нужно удостовериться,—писал кн. Чарторыжский ген. Глазенапу 8—VI 1809 г.,—сколь чистосердечна преданность Келеш-бека к России и в каких расположениях находится он в рассуждении Порты Оттоманской, которая почитает его своим подданным; а между тем приласкать его“²⁾... (Разрядка моя. Г. Д.)

„...Сколь ни большое показывает к нам,—писал граф Гудович 11—II 1807 г. г.-м. Рыкгофу³⁾,—расположение и преданность абхазский владелец Келеш-бей, но верить ему при теперешних обстоятельствах наших в рассуждении турок никак невозможно. А потому и давать ему для безопасности войска из подвластных Мингрелии теперь никак нельзя и до тех пор, пока уже он самым опытом покажет, что нам верен и идет против турок...“⁴⁾ (Разрядка моя. Г. Д.)

¹⁾ Письмо кн. Цицианова к кн. Григорию Дадiani от 30—VI 1803 г. Акты, т. II, стр. 536.

²⁾ Акты, т. III, стр. 190.

³⁾ Командующий войсками в Имеретии при гр. Гудовиче.

⁴⁾ Акты, т. III, стр. 196.

Но скоро над седой головой Келеш-бея стала собираться гроза. Турецкий султан, узнав планы владельца, резко изменяет свое отношение к нему, что заставляет царскую Россию насторожиться. Келеш-бей был лишен жалованья, которое получали абхазские владельцы от Турции¹⁾.

Владелец начал искать формальный повод, чтобы отказаться от вынужденной „дружбы“ с султаном. В этот момент к нему явился опальный трапезундский правитель Таяр-паша, желавший стать под защиту России (1806 г.). Келеш-бей не только предоставил ему убежище, но и дал возможность бежать в Россию, категорически отказавшись выполнить приказание султана, который под угрозой войны требовал выдачи Таяр-паши. Келеш-бей тотчас же начал переговоры с кн. Цициановым.

„Убежище его (Таяр-паши. *Г. Д.*) ко мне, — писал Келеш-бей Цицианову, — по сказанному случаю подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному, и как по сие время империя Российская, давая подданным людям руку помощи и защиту, через то самое распространила славу свою, то в сем уважении покорно прошу вас представить о сем обстоятельстве е. и. в. и употребить ваше ходатайство к принятию помянутого паши под покровительство его империи, а пребывание его у меня считать как бы в самой России, под сению ее покрова; в случае же могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас своею помощью и защищением“²⁾. (Разрядка моя. *Г. Д.*)

Более того: отправив (в октябре 1806 года) Таяр-пашу в Тавриду, Келеш-бей передал через него „Херсонесскому и Екатеринославскому военному губернатору“ дюку де-Ришелье свои условия принятия российского подданства. Вернее, Келеш-бей дал доверенность на ходатайство об изъявлении „монаршей милости“ к нему, состоявшей из 8 пунктов:

„1) О удостоверении российского престола, что все военные и не военные абазинцы (абхазы. *Г. Д.*) верны будут и служить готовы всегда и чтобы е. и. в. благосволил, принять и назвать своими подданными.

2) По принятии же Келеш-бея российским престолом в подданство, быть над ними начальником Келеш-бею.

3) По достоинству же его от щедрот е. и. в. всемилостивейше награжден бы был таким же чином и жалованьем.

¹⁾ В третьей четверти XVIII века турецкий султан установил Левану Чачба ежегодное жалованье 10 000 левов.

²⁾ Акты, т. III, стр. 192.

4) Из 6 сынов его, Келеш-бей, большой Сефер-бей также не оставлен бы был достойным чином и жалованьем; 2-го сына для уверения о верном подданстве под залог отправит Келеш-бей в С.-Петербург, прося у е. и. в. соизволения выучить грамоте и другим российским наукам.

5) Из абазинских дворян только 30 человек от щедрот е. и. в. не были бы лишены награждения.

6) Он, Келеш-бей, в кр. Боты пребывая, в случае от Порты нападения запасти провиантом.

7) В кр. Боте хотя имеются большие пушки, но по прибытии туда российских войск имелось бы российских малых хотя 2 и с канонирами, для того нужными.

8) В России запрещено покупать ясыров (рабов. *Г. Д.*), то чтобы не было им запрещено, потому что без обращения сего не могут жить...¹⁾.

Келеш-бей обещал, что он со своими 6 000 героев „по границам в Грузии и около Тифлиса будет продолжать российскому престолу искреннюю службу“²⁾.

Кроме того, он обещал хороший лес для кораблестроения.

Обещал и несколько „мест“, которые были „весьма способны для гаваней“. При некотором исправлении они могли быть для „российского флота в зимнее время убежищем“³⁾. Наконец, просил немедленно сообщить ответ.

Таким образом, Келеш-бей сделал все для перехода в подданство России. Но царская Россия все еще не решалась вступить с ним в официальные сношения, т. к. находилась с Турцией в мире.

Гр. Гудовичу было предложено только „при первом известии о разрыве с турками“ объявить Келеш-бею об официальном принятии его в подданство России.

Еще за несколько месяцев до этого, султан Селим II, раздраженный неповиновением своего вассала, отправил в Сухум турецкую флотилию из 3 военных и 8 гребных судов для наказания непокорного. Келеш-бей до последней минуты надеялся на помощь России.

„Хотя ныне прибыл человек с фирманом за Таяр-пашою и мы по надежде на помощь российского двора возвратили его назад, — писал накануне Келеш-бей, — но против нас точно идут корабли, почему просим объявить нам, какую вы можете дать нам помощь“⁴⁾.

¹⁾ Пояснение таврического помещика Махмед-Таяр-бея ген.-л. Эммануилу Осиповичу дюку де Ришелье. Акты т. III, стр. 191—192.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Донесение Келеш-бея. Акты, т. III, стр. 189.

Убедившись, что царская Россия умышленно медлит с помощью, Келеш-бей решил все-таки принять бой. Назов престарелого владельца собралось 25 тысяч вооруженных абхазов защищать родину от интервентов, и султанская эскадра, прибывшая в Сухум 25—VII 1806 г., вынуждена вернуться обратно не приняв боя.

Это счастливое событие окружило имя Келеш-бея ореолом героя и еще больше подняло его авторитет. Почти год он управлял независимой Абхазией и заметно охладел к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в „измене“...

1806 год был апогеем славы Келеш-бея. Турция, не имея возможности непосредственно наказать непокорного владельца Абхазии, вооружила против него и против наследника (Сафар-бея) обиженного Аслан-бея и недовольных князей и дворян. Не без участия Турции состоялся обширный заговор. Его организаторами были дворяне Дзяпш-ипа и другие представители местной феодальной знати, недовольные самовластием владельца и желавшие сохранить феодальную раздробленность страны. Во главе заговора стоял старший сын Келеш-бея, Аслан-бей, племянник Дзяпш-ипа.

Однако этот заговор был раскрыт своевременно, и Келеш-бей, чтобы избавиться от угрожавшей ему опасности, изъявил притворное намерение примириться с обиженными; под видом примирительного угощения он призвал в Сухум трех братьев Дзяпш-ипа и, когда они доверчиво явились, приказал умертвить их. Остальные члены этой фамилии бежали в Цабал.

Этот факт лишний раз убеждает Келеш-бея, что необходимо спешить с принятием русского подданства. В 1807 г. в Сухум заехал лейтенант Скирневский, владелец принял русского офицера с „особенною учтивостью“, а затем объяснился ему, что „нетерпеливо ожидает уведомления, когда принят будет в российское подданство и что коль скоро сие последует, то он сына своего (Батал-бея. Г. Д.), имеющего 16 лет от роду, отправит в Петербург для определения в военную службу“¹⁾. (Разрядка моя. Г. Д.)

Скирневский между прочим спрашивал его позволения, могут ли русские суда, „претерпевающие во время плавания бедствия, входить на рейд Сухумский“, и получил ответ, что если это будет угодно главнокомандующему русского флота и об этом он от него получит предварительное отношение, то он на то охотно согласится²⁾.

¹⁾ Центр. Военно-Истор. Архив (ЦВИА), ф. ВУА, д. № 18490, лл. № 1—4.

²⁾ Там же.

Келеш-бей подарил на прощанье Скирневскому часы и передал два конверта: один—к таврическому губернатору Мертвого, а другой к—Таяр-паше.

Разговор между Келеш-беем и русским офицером этим и закончился, но он ясно говорил о готовности, о желании Келеш-бея принять русское подданство. И чем очевиднее становилось это стремление владельца, тем сильнее Турция толкала своих агентов в Абхазии на решительные действия.

Подстрекаемый турками, Аслан-бей задался целью убить своего знаменитого отца и младшего брата Сафар-бея, стоявшего на пути к власти, после чего объявить себя владельцем Абхазии. Под видом раскаявшегося сына он явился в дом отца, где не был уже несколько лет, в продолжение которых, собрав около себя молодых абхазских князей и джигитов, таких же головорезов, как и сам, занимался грабежами и набегами на пограничные области Гурии, Мегрелии и Имеретии. Келеш-бей простил раскаявшегося „блудного сына“, который таким образом (совместно с двоюродным братом Бежаном) получил возможность осуществить свое намерение. В ночь на 2—V 1808 г. Келеш-бей со своим сыном Баталом, назначенным для отправки в Россию аманатом, возвращался в Сухум со званого вечера и при входе в переднюю был смертельно ранен шестью пистолетными выстрелами. Аслан-бей, видя, что отец еще жив, изрубил его шашкой. Были убиты также два младшие сына Келеш-бея—Ростом-бей и новорожденный, а Батал—тяжело ранен.

Но Аслан-бею не удалось убить брата-наследника. Последний в это время случайно оказался в Лыхнах. Воспользовавшись суматохой, вызванной убийством отца, Аслан-бей овладел крепостью и городом Сухум-Кале, захватил всю абхазскую казну и большое личное состояние Келеш-бея, после чего объявил себя владельцем Абхазии и вассалом турецкого султана.

Убийство Келеш-бея агентами Турции, изменниками родины, вызвало в Абхазии сильное возмущение.

В официальных источниках говорится, что „отцеубийца обратил на себя... даже черни ненависть“¹⁾.

„Весть, что владетельного князя Келеш-бея убийца был сын самого князя—Аслан-бей, сразу обошла весь народ,—говорит народное предание.—Собралась вся Абхазия. Оплакали, устроили траурное шествие... Сегодня на Абхазии надет траур. Сегодня мы, и малые и большие,

¹⁾ Акты, т. IV, стр. 553.

стали под аджабара (траур), владетельный князь великий Келеш-бей погиб¹⁾.

Так был убит Келеш-бей, в „твердом расположении, усердии и преданности“ которого уже не сомневались царские дипломаты.

Этот акт политического убийства был совершен под диктовку Турции, при участии мегрельских владетелей, опасавшихся осуществления абсолютистских замыслов Келеш-бея, и являлся следствием внутренней борьбы, происходившей между абхазскими феодалами за политическое господство, борьбы, разделившей их на две враждебные группы, каждая из которых, в целях ограждения своих интересов, имела свою собственную внешнеполитическую ориентацию.

Желая стать владетелем Абхазии и горя желанием отомстить Аслан-бею, отнявшему у него престол, Сафар-бей решил вступить в подданство России. Немедленно после убийства Келеш-бея он послал письмо через своего приближенного Реджеб-агаю ген.-м. Рыкгофу, где писал:

„Сие письмо присылаю к вам, которое вы получите. Арслан-бек с несколькими сухумскими убили моего отца Келеш-бея; известно вам, что покойный Келеш-бей еще при жизни своей передал вам и теперь по его смерти, ежели вы хотите, даю сию землю вам, лишь бы отомстить помянутому Арслан-беку, не откладывая сие. Многие сухумские князья и дворяне в согласии со мной.

Р. С. Милостивый отец мой, генерал! Арслан-бек с сухумскими и Бежаном Шервашидзе убили Келеш-бея и в согласии они; ныне Сухумскую крепость и все владение даю вам, лишь бы Арслан-бека наказать²⁾. (Разрядка моя. Г. Д.)

Владетельница Мегрелии Нина Георгиевна в свою очередь внушала Сафар-бею, что наилучший способ упрочить за собой владетельские права — привести в исполнение намерение отца принять подданство России, и взялась ходатайствовать об этом, предлагая и свою помощь.

„...самодержавнейший государь, ныне время удобное принять Сефер-бека под ваш покров,—писала Нина,—ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш, да и прежде находился под рукою нашего владения“³⁾.

„...прошу твое главное благоуправление поревновать за них, из почтения ко мне, дабы самодержавнейший го-

1) „Как сын владетельного князя убил отца“. Записано в 1907 г. С. Патовича. Архив АБНИИ.

2) Письмо Сафар-бея к ген.-м. Рыкгофу. Акты, т. III, стр. 200.

3) Прошение мегрельской владетельницы Нины от 8—VI 1808 г. Акты, т. III, стр. 201.

сударь уважил и принял,—писала Нина в тот же день гр. Гудовичу,—в свое рабство сего зятя моего Сефер-бека, который секретно называется по крещению Георгий, и пожаловал бы ему знак и грамоту, введя также и войска в Абхазию“¹⁾).

Таким образом, Нина своим посредничеством помогала присоединению Абхазии к России, и генерал Тормасов²⁾, справедливо оценивая ее усердие, писал впоследствии:

„Приобретение граничащей с Мингрелией Абхазии в подданство Всероссийской империи есть плод ее ревности к пользам дел е. и. в.“³⁾).

Нина разжигает аппетиты царской России, указывая на стратегическое значение Абхазии.

„Таковым приобретением,—писала Нина в том же письме от 8—VI 1808 г., адресованном гр. Гудовичу,—сего соседа и зятя нашего Шервашидзе присоединятся к русской державе берега Черного моря по близости Крыма и над ними, подобно как над сим краем распространится благодать нашего государя, ибо число абхазов не малое, и когда это так будет, то и соседи их, джихи и аланы, немедленно покорятся государю нашему“⁴⁾).

На самом же деле Нина не столько старалась для России, сколько преследовала свои выгоды. Она хорошо понимала стратегическое и торговое значение Абхазии.

Кроме того, правительница, безусловно, ни в коей мере не была заинтересована в торжестве турецкого султана на берегах Абхазии.

Сафар-бей, возлагая на Нину свою надежду, писал:

„Я, владелец и державец абхазцев и внутренних мест и наследник Зуфу (Лыхны. Г. Д.⁵⁾) и Цебельды, склоняясь на благой совет ваш, устанавливаю себя с моею землею в рабстве и верности всемилостивейшему самодержавнейшему всея России императору, по всей моей возможности, как вы им одарены и приняты. Обязуюсь за себя присягою верности быть всегда верным и всех моих князей и высокоблагородных также обязываю присягою на верность всемилостивейшему и самодержавнейшему всея России монар-

¹⁾ Письмо влад. Нины Георгиевны к Гудовичу от 8—VI 1808 г. Зугдиди. Акты, т. III, стр. 203.

²⁾ Сменил гр. Гудовича 9—III 1809.

³⁾ Отношение ген. Тормасова к гр. Румянцеву от 30—V 1811 г. Акты, т. IV, стр. 406.

⁴⁾ Письмо влад. Нины Георгиевны к Гудовичу от 8—VI 1808. Акты, т. III, стр. 203.

⁵⁾ За несколько веков до н. э. на месте Лыхны милетские выходцы основали колонию, которая называлась Зуфу. Поэтому сел. Лыхны, как его называют абхазы с незапамятных времен, изредка называлось еще Зуфу, или Зупу.

ху и преемникам его престола, дабы быть наследственным рабом с моей землею отныне и навеки" ¹⁾.

Не довольствуясь письмом, Сафар-бей явился со многими князьями и дворянами к Нине и Левану, прося „единения“ и „твердого соседства“ и дал присягу на „верное рабство императорскому трону“ и оставил аманатов.

Чтобы еще больше доказать свое верноподданство и заслужить благосклонность „великодушного“ монарха, Сафар-бей берет на себя роль ревностного оберегателя и распространителя христианства, предварительно зарекомендовав себя добрым христианином. Обещает принять „религию греческого исповедания со всеми-ж его подданными“ ²⁾. (Разрядка моя. Г. Д.)

....Заставлю и все свои владения,—пишет он в вышеупомянутом письме к Нине и Левану,—дабы и они изъявили ее, а какие из них не имеют еще света,—чтобы просветились верою греческою и стали служить каждое своим церквам“.

Царская Россия от такой перспективы выигрывала больше, нежели предполагал Сафар-бей, т. к. она получала возможность завуалировать свою политику, направленную к полному покорению Абхазии и войне с Турцией, под завесой оказания „помощи“ единой христианской Абхазии.

Император Александр I дал обещание принять Абхазию под свое „покровительство“, но строго предписал, чтобы Сафар-бей, до благоприятного времени, все это хранил в совершенной тайне. Осторожность была вызвана тем обстоятельством, что Россия, озабоченная войной с Наполеоном I, находила невыгодным в это время начать войну еще с Турцией и вела с ней переговоры о мире. Царские генералы, ожидая исхода переговоров с Турцией, держали войско наготове на случай разрыва перемирия и открытых военных действий.

Таким образом, русские войска не могли тогда вступить в Абхазию.

Гр. Гудович не дал помощи Сафар-бею войсками „...но предписал ³⁾,—сообщал он гр. Салтыкову,—сделать одно оказательство для устрашения волнующихся абхазцев, что он готов подать ему помощь, а в самом деле не вступать в абхазские границы, дабы не развлечь войска“ ⁴⁾.

¹⁾ Письмо Георгия Шервашидзе к влад. Мегрелии Нине и сыну ее Левану Дадлиани. Акты, т. III, стр. 205.

²⁾ Рапорт ген.-м. Рыкгофа гр. Гудовичу от 10—VI 1808 г. Акты, т. III, стр. 205.

³⁾ Ген.-м. Рыкгофу.

⁴⁾ Отношение гр. Гудовича к гр. Салтыкову от 3—III 1809 г. Акты, т. III, стр. 208.

Ген.-м. Рыкгофу приказано было под разными предлогами уклоняться от реальной помощи Сафар-бею, и в то же время уверять его в том, что необходимая помощь и покровительство будут оказаны.

Пока Сафар-бея кормили обещаниями, Турция весьма реально помогала своему ставленнику Аслан-бею.

Из „Царьграда“ прибыло судно с „разными подарками“ и деньгами к Аслану, — свидетельствовала Нина, — и турки уверяли, „что всякая нужная помощь со стороны Порты будет ему оказана, относящаяся до войск и денег“¹⁾.

Пока с Петербургом шла переписка, Сухум был хорошо укреплен и снабжен орудиями. Если во время пребывания лейтенанта Скирневского в Сухуме, в крепости, имелось всего лишь 16 пушек (12 медных и 4 чугунных²⁾, то теперь крепость занимал сильный турецкий гарнизон, имевший около 100 пушек и несколько вооруженных турецких судов. Она оказалась совершенно неприступной с суши.

Аслан-бей систематически продолжал получать помощь от Турции. Об этом говорит и тот факт, что уже после падения Сухума удалось задержать турецкое судно, в котором найдено было письмо от султана на имя Аслана, а также лафеты для пушек, соль, пшеница и т. д.

Гр. Гудович, получив, наконец, повеление царя оказать Сафар-бею содействие и помощь в изгнании из Абхазии Аслан-бея, причем сделать это как можно более конспиративно, решил действовать чужими руками, — руками владетельницы Мегрелии и ее зятя Манучара Чачба, правителя Самарзакана.

В начале августа 1808 г. ген.-м. Рыкгоф, по распоряжению гр. Гудовича, двинул на Сухумскую крепость объединенные силы владетельницы Мегрелии и ее двух зятьев — Манучара и Сафар-бея Чачба. В это же время в Сухум на 3 судах прибыл с войском на помощь Аслану двоюродный брат его потийский комендант Кучук-бей, а с гор явилось около 300 человек. Войска, направленные г.-м. Рыкгофом, не смогли взять крепость. Нико Дадзани, участник этого похода на Сухум, следующим образом описывает его:

„Мы прибыли в Аку (Сухум. Г. Д.) и расположились на берегу Бесилы (Басла. Г. Д.), но не могли окружить крепость, так как не имели ни приготовленной артиллерии, ни других орудий для блокады крепости...“³⁾.

¹⁾ Рапорт ген.-м. Орбелиани ген. Гормасову от 28—VI 1809 г. Кутаис. Акты, том IV, стр. 389—390.

²⁾ ЦВИА, ф. ВУА, д. № 18430, лл. 1—4.

³⁾ „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, выпуск XXXI, отд. I, стр. 80.

Убедившись в совершенной неприступности ее с суши, генерал Рыкгоф предложил бомбардировать крепость с моря и зажечь все строения, видя в этом единственную возможность взять крепость.

Отряды Рыкгофа, захватив супругу Келеш-бея Ребюханым (урожденную Маршания) и сына ее Батал-бея, которых держал в плену Аслан-бей, а также много заложников от населения, „благополучно вернулись в Одиши“¹⁾.

Аслан-бей имел больше приверженцев среди абхазских феодалов, чем официальный владетель, которого все еще не признавали, как сына женщины незнатного происхождения и малоспособного управлять. Самые влиятельные князья: Гассан-бей — третий сын Келеш-бея, владетель Гумской Абхазии (от р. Гуми до р. Кодора), Али-бей — троюродный брат Сафар-бея, владетель Абжуйской Абхазии — отложились от Сафар-бея и приняли сторону Аслан-бея. И ряд других крупных абхазских феодалов также стали на сторону Аслан-бея, используя все свое влияние и родственные связи для дискредитации его противника.

В силу этого Аслан-бей имел некоторую поддержку и среди народа. Он считал себя владетелем Абхазии, имея на это пока что основание. Таким образом, Аслан-бей имел больше веса в стране, чем официальный владетель Сафар-бей, находившийся большей частью в Мегрелии, под защитой русских штыков, и вечно „просил о даче ему войска для взятия крепости Сухума, так как он остается почти совершенно обессиленным и даже изгнанным“²⁾.

„Теперь затруднение в следующем, — говорит народное предание, — Аква (Сухум)... для Абхазии середина, берег моря, поэтому издавна избран как место владетельного князя, но стало невозможно Сафар-бею сидеть там“³⁾.

Но соотношение сил скоро изменилось. Сафар-бей, вполне осознав свою беспомощность, подписал в 1809 г. нижеследующие „просительные пункты“:

„Всеавгустейшему и всемилостивейшему монарху нашему всеподданейшее прошение и предание себя с владением моим через сие письмо, следующим образом:

1) Я, законный наследник и владетель Абхазии, по совести моей обязываюсь и вступаю в подданство и службу, как наследственный подданный всемилостивейшего самодержавца всея России и прочих императора Александра Павловича.

2) Обязываюсь отныне письмом сим и предаю себя и вместе со мною Абхазию и все находящееся в Абхазии в

1) „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, выпуск XXXI, отд. I, стр. 80—81.

2) Акты. т. IV, д. № 569.

3) „Как сын владетельного князя убил отца“.

наследственное подданство и рабство престола всемилостивейшего и всеавгустейшего монарха всероссийского и также преемника престола его, с исповеданием прежней веры нашей, которой были предки наши христианами по греческому закону.

3) Да соизволит е. и. в. по благодати своей милостиво воззреть на меня, ознаменовав меня знаком, как прочие князья, подданные императорского престола, ознаменованы.

Да по священнейшему благотворению и милости е. и. в. пожалована мне будет грамота, утверждающая мое наследство, дабы был начальником и управляющим владением моим и также сын мой и внуки его вечно и нерушимо от начальства и владения наследственным нашим владением и утверждено сие будет монаршею милостью, так чтоб доколе импораторский престол пребудет счастливым и сильным, и наше наследство и начальство пребыло бы таковым же по священнейшей же милости, через грамоту всемилостивейшего государя нашего непосредственным подписанием оной и утверждением.

5) Оградить владение мое войском всемилостивейшего государя нашего императора.

6) Да по благодати и человеколюбию самодержавнейшего государя нашего императора не лишусь я тех выгод и милости, которые имел наследственный владетель абхазский Келеш-Ахмед-бек, отец мой, получавший ежегодное жалованье от Порты Оттоманской.

7) Желая всеусерднейше до капли крови быть верным подданным и обязываюсь присягою и обещанием в вечном подданстве и буду покорен главноуправляющему Грузиею вместе с верными и усердными рабами и подданными моими и дам лес для кораблей, как получала прежде сего Порта Оттоманская, равно и заводы золотые и серебряные, буде находятся во владении моем, с дачею мне некоторой части по щедрой милости всемилостивейшего и самодержавнейшего государя нашего.

С таким подданническим, искрейнейшим усердием предаю себя и подвластное мне владение престолу Всероссийской империи обещанием и присягою с исповеданием греческой веры и закона, — в чем и подписуемся так: *кн. Георгий Шервашидзе*¹⁾.

Русское командование энергично приступило к подготовке военных действий в Абхазии против Аслан-бея и турок. В это время ген. А. П. Тормасов сменил престарелого фельдмаршала Гудовича. Тормасов, ознакомившись с ближайшими планами своего предшественника, тоже пришел к убеждению, что нужно прежде всего овладеть

¹⁾ Письмо Георгия Шервашидзе. Акты, т. III, стр. 29.

крепостью Поти и тогда уже легче было бы взять Сухум-Кале.

12—III 1809 г. турецкий султан опубликовал фирман, прерывавший перемирие и провозглашавший возобновление войны с Россией. Турецкое командование перешло к активным операциям в Западной Грузии. Тормасов после этого решил немедленно овладеть турецкой крепостью Поти.

Руководство операциями русских войск в Западной Грузии Тормасов возложил на генерал-майора князя Дмитрия Орбелиани, тем временем назначенного (по смерти генерала Рыкгофа в 1808 г.) командующим русскими войсками, расположенными в Имеретии и Мегрелии, и как ближайшую задачу поставил перед ним взятие крепости Поти.

13—VIII 1809 г. отряд кн. Орбелиани (12 рот, 50 казаков, 5 орудий) приступил к осаде этой крепости.

Кн. Орбелиани уже взял форштадт, когда в 20 верстах от него высадился трапезундский сераскир Шериф-лаша.

Орбелиани, подкреплённый гурийцами, атаковал сераскира и наголову разбил его. 15—IX 1809 г. комендант Поти Кучук-бей сдал крепость¹⁾, отплыв с остатком своего войска в Трапезунд. Оставалось взять Сухум, чтобы господствовать на восточном берегу Черного моря. Удачное приобретение Поти воодушевило нового главнокомандующего, которому как раз в этот момент Александр I предложил быть решительнее по отношению к Турции. Император велел привести Черноморский флот в боевую готовность, с тем, чтобы в случае появления на Черном море турецкого флота—атаковать его.

Одновременно император Александр I 17 февраля 1810 г. утвердил „просительные пункты“ „владельца“ Абхазии Сафар-бея и дал ему грамоту, в которой говорилось:

„Нам любезно верно подданному абхазские земли владельцу князю Георгию Шервашидзе наша императорская милость и благоволение. Снисходя на прошение ваше поступить в вечное подданство Российской империи, и, не сомневаясь в преданности вашей к высокому нашему престолу, изъясненной в обязательном письме вашем на высочайше имя наше присланном, утверждаем и признаем вас нашего любезноверноподданного наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи, и включая вас и дом ваш и всех абхазского владения жителей в число наших верноподданных, обещаем вам и преемникам вашим нашу императорскую милость и благоволение.— Приняв

¹⁾ Кр. Поти в 1812 г. была возвращена туркам, а в 1828 г. вновь взята царским генералом Гессе.

также за благо все статьи, изъясненные от слова до слова в том прошении вашем, которое в копии с российским переводом в сей нашей жалованной грамоте прилагается, утверждаем оные императорским нашим словом за нас и высоких преемников наших по всей силе на вечные времена ненарушимо и вследствие того соизволяя ознаменовать вас особою нашею к вам милостью, определяем вам жалованье серебром по две тысячи пятисот рублей в год, а любезной княгине родительнице вашей по тысяче пятисот рублей в год серебром же, которое как вам, так и ей, со дня учинения вами на верность подданства присяги, и будет доставляемо от главнокомандующего в Грузии из казны нашей по третям года. В вящее же изъявление вам императорской нашей милости жалуем вам и преемникам вашим знамя с гербом империи Российской, повелевая хранить оное наследственно в доме вашем, да сверх того всемилостивейше жалуем вас кавалером ордена св. Анны первого класса, коего знаки при сем же препровождая повелеваем возложить на себя и носить по установлению. Преемники же ваши имеют на достоинство князя абхазского владения, испрашивать высочайшего утверждения нашими императорскими грамотами, которые как и сия по неизреченному милосердию нашему и будут всемилостивейше им доставляемы. — Засим поручая вам управлять народом абхазские земли с кротостью и правосудием, уверены мы, что вы и наследники ваши как в преданности своей к нашему престолу, так и в точном исполнении воспринятых вами на себя обязанностей пребудете непоколебимы. В таком надеянии и в залог монаршей нашей к вам и ко всему абхазскому народу милости, дана сия императорская наша грамота за собственноручным нашим подписанием и с приложением государственной печати. В престольном нашем граде св. Петра. Февраля 17-го дня лета от р. х. 1810-й, а царствования нашего в десятое.

Александр I.

Государственный канцлер
граф Румянцев¹⁾.

В том же 1810 году против Турции русскими войсками было совершено несколько вылазок.

В марте 1810 г. часть судов черноморской флотилии была командирована к восточным берегам Черного моря для крейсирования около Сухум-Кале и Суджук-Кале²⁾,

¹⁾ „Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии“. Венден, 1913 г., стр. 5—7.

²⁾ Турецкая крепость на берегу современной Новороссийской бухты.

имея главным назначением „не допускать никаких перевозов и прекратить все сообщения турок, а в случае покушения к сему неприятельских судов, делать им отражение, вследствие чего крейсерами взято и истреблено было несколько купеческих судов“¹⁾.

В начале мая того же года фрегат „Лилея“, бриг „Алексей“ и корвет были отправлены крейсировать между Анапю и Сухум-Кале, с целью „препятствовать подвозам к горцам и нападать на их селения, по берегам моря лежащие, дабы тамошние народы, теснимые с сухопутной стороны войсками кавказского корпуса, а с моря нашими судами, принуждены были просить мира“²⁾.

Тормасов решил „ковать железо, пока горячо“ и, воспользовавшись благоприятным случаем—политическим кризисом в стране,—овладеть крепостью Сухум-Кале.

„После взятия войсками армии мне вверенной турецкой кр. Поты на берегу Черного моря,—писал Тормасов Ришелье 22—V 1810 г.,—сносился с мин-ром морских сил о полезности доставить к берегам Черного моря часть флотилии, дабы с помощью оной занять остающиеся между Поти и Анапю турецкие же крепости Анаклию, Сухум и Суджук-Кале...“³⁾

И управляющий министерством военных морских сил адмирал И. И. де-Траверсе дал приказ вице-адмиралу Языкову, командующему Черноморским флотом, занять Сухум судами черноморской эскадры.

8—VI 1810 г. в 4 часа дня на Сухумский рейд из Севастополя прибыла эскадра из одного военного корабля (66-пушечный „Варахил“), двух фрегатов („Назарет“ и „Воин“), одного авиоза и двух канонерских лодок, с батальоном 4-го морского полка (640 чел.⁴⁾) под начальством капитана-лейтенанта Додта. Был поднят переговорочный флаг, но из крепости начали из пушек и ружей обстреливать корабли отряда. На другой день кораблям удалось приблизиться на соответствующую дистанцию и в 3 часа дня открыть огонь, к вечеру почти у всех крепостных пушек были подбиты лафеты. На рассвете 10-го числа из крепости снова началась пальба; ответным огнем наступающих почти все строения в городе были разрушены

¹⁾ Донесение командира Черном. флота от 2—V 1810 г. Полн. собр. соч. г.-л. А. И. Михайловского-Давилевского, т. III, стр. 261.

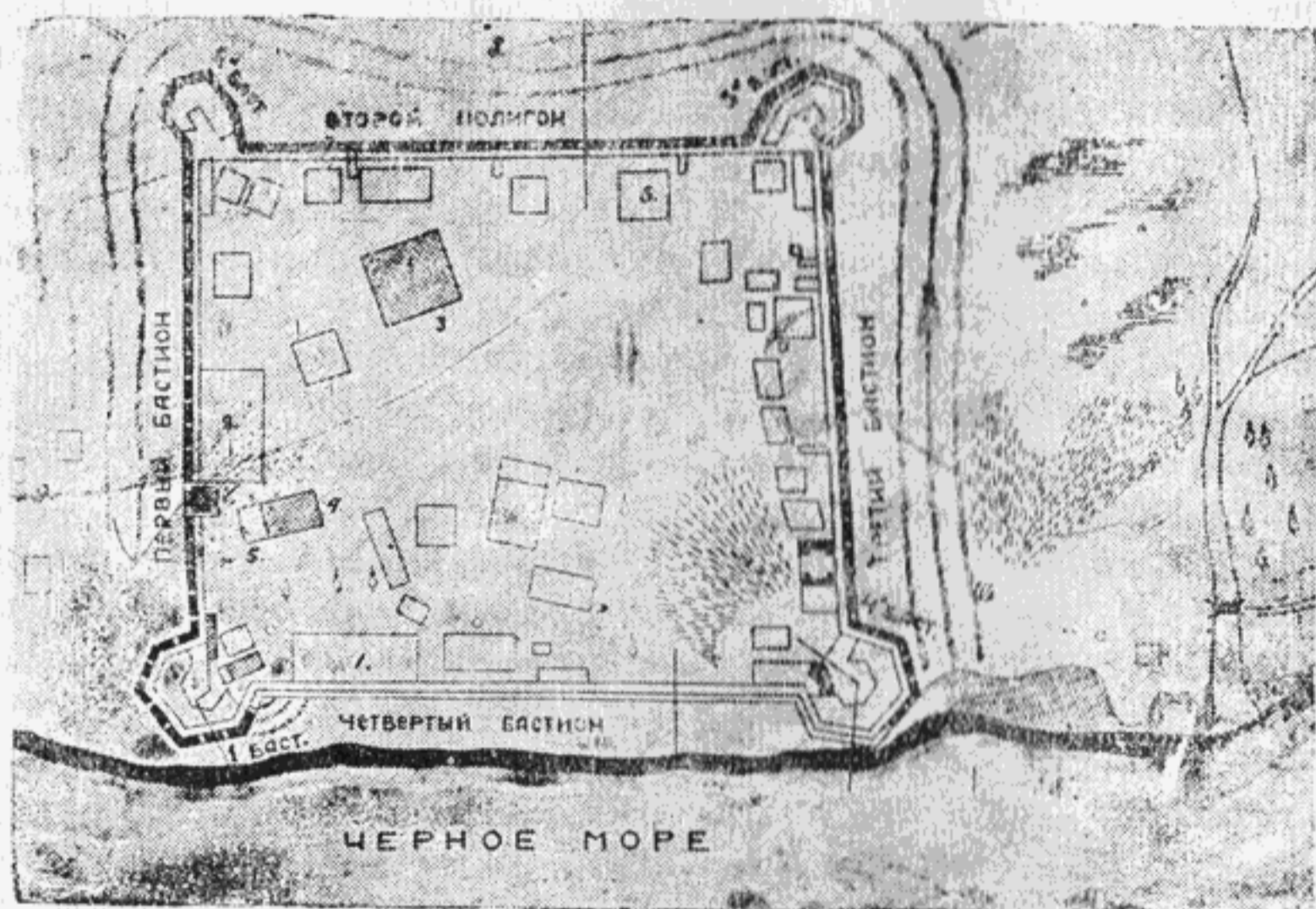
²⁾ Отношение вице-адмирала Языкова к ген. Тормасову от 10—VI 1810 г. „Утверждение русского владычества на Кавказе“, т. II, стр. 48.

³⁾ ЦВИА, ВУА, № 6187, 1810, лл. 29—30.

⁴⁾ Штаб-офицеров — 1, обер-офицеров — 13, унтер-офицеров — 33, музыкантов — 12, рядовых — 584, нестроевых — 6, денщиков — 12. Итого — 640 чел. Для них погружено было на суда провианта: муки — 550 четв., круп — 412 п. 20 ф. и т. д.

и, в частности, были потоплены стоявшие в бухте 7 турецких судов.

В 10 часов Додт высадил десант — батальон морской пехоты с 2 полевыми пушками под начальством майора Конрадини, который, поведя атаку с юга, овладел городом. Однако, десант не имел штурмовых лестниц, и Конрадини не решился идти на приступ крепости, ворота которой были завалены камнями. Он расположил три роты в 30-ти шагах от ворот, четвертую роту оставил в резерве и приказал стрелять из одного орудия в ворота крепости, а из

План Сухумской крепости 1812 г. (Архив штаба Кавк. воен. округа).

другого — по самой крепости. Одновременно был открыт огонь с кораблей. В результате сильной бомбардировки, продолжавшейся около 2 часов, ворота были разбиты и русские войска заняли крепость. Турецкий гарнизон бежал через северо-западные ворота. В город со стороны Кодора вступила рота Белевского полка с двумя орудиями во главе с кн. Орбелиани и официальным владельцем Сафар-беем. Аслан-бей бежал со своими приверженцами на север, в Джихию, где и нашел убежище.

„Аслан-бей осрамился, — говорит предание. — И отца убил, и место князя не получил“¹⁾.

Со стороны русских войск из 640 человек было убито и ранено 109, со стороны сухумцев убито и ранено 300 чел. и взято в плен 78 человек, а кроме того захвачено 62 пушки, 2 фальконета и большие склады пороха, ядер и оружия.

¹⁾ „Как сын владетельного князя убил отца“.

Картина разрушения была ужасна: на развалинах крепости виднелись опрокинутые и поврежденные орудия, полуразрушенные дома, повсюду мертвые тела...

Капитан Додт доносил: „По взятии крепости и по обозрении оказалась она (крепость Сухум. *Г. Д.*) совсем разбитою, а особливо с морской стороны и по сим обстоятельствам оную крепость починить и поправить почти невозможно было“¹⁾.

В полном смысле слова—не оставалось камня на камне.

„Когда русские овладели Сухумом,—пишет французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ,—часть города еще существовала, но командовавший тогда генерал приказал разрушить и снести до основания все, что еще от него оставалось, ссылаясь на то, что под прикрытием домов абхазам удобнее похищать русских солдат“²⁾.

Но разрушение „оной крепости“ отнюдь не было самоцелью русского царизма, она нужна была ему для дальнейших завоевательных целей.

„Теперь,—писал министр просвещения Евгений Ковалевский позже,—когда все, неблагоприпятствовавшие нам обстоятельства миновались, когда мы безусловно властвуем на восточном берегу Черного моря, от Анапы почти до Батума, от нас зависит воскресить Сухум, который турки называли недаром Старым Стамбулом—и поставить его в то положение, в котором он некогда находился и которого он заслуживает по своей местности“³⁾. (Разрядка моя. *Г. Д.*)

Чтобы Сухумская крепость соответствовала своим задачам, было послано туда около 1000 человек, которые наспех исправили имевшиеся повреждения. Гарнизон крепости состоял из роты под командой капитана Агаркова, перевезенной сюда из Редут-Кале, и 2 рот 4-го морского полка с полевой пушкой, под командованием Козорского, а кроме того оставлены были две канонерские лодки под командованием мичмана фон-Бурмистра.

Сафар-бей переехал на жительство в Сухум,—единственное место в Абхазии, где он мог чувствовать себя безопасно под защитой русских штыков. Как уже отмечалось, борьба между Сафар-беем и Аслан-беем из-за власти была прежде всего борьбой двух влияний: русского и турецкого.

¹⁾ Выписка из донесения кап.-л. Додта о занятии крепости Сухум-Кале. Акты, т. IV, стр. 424.

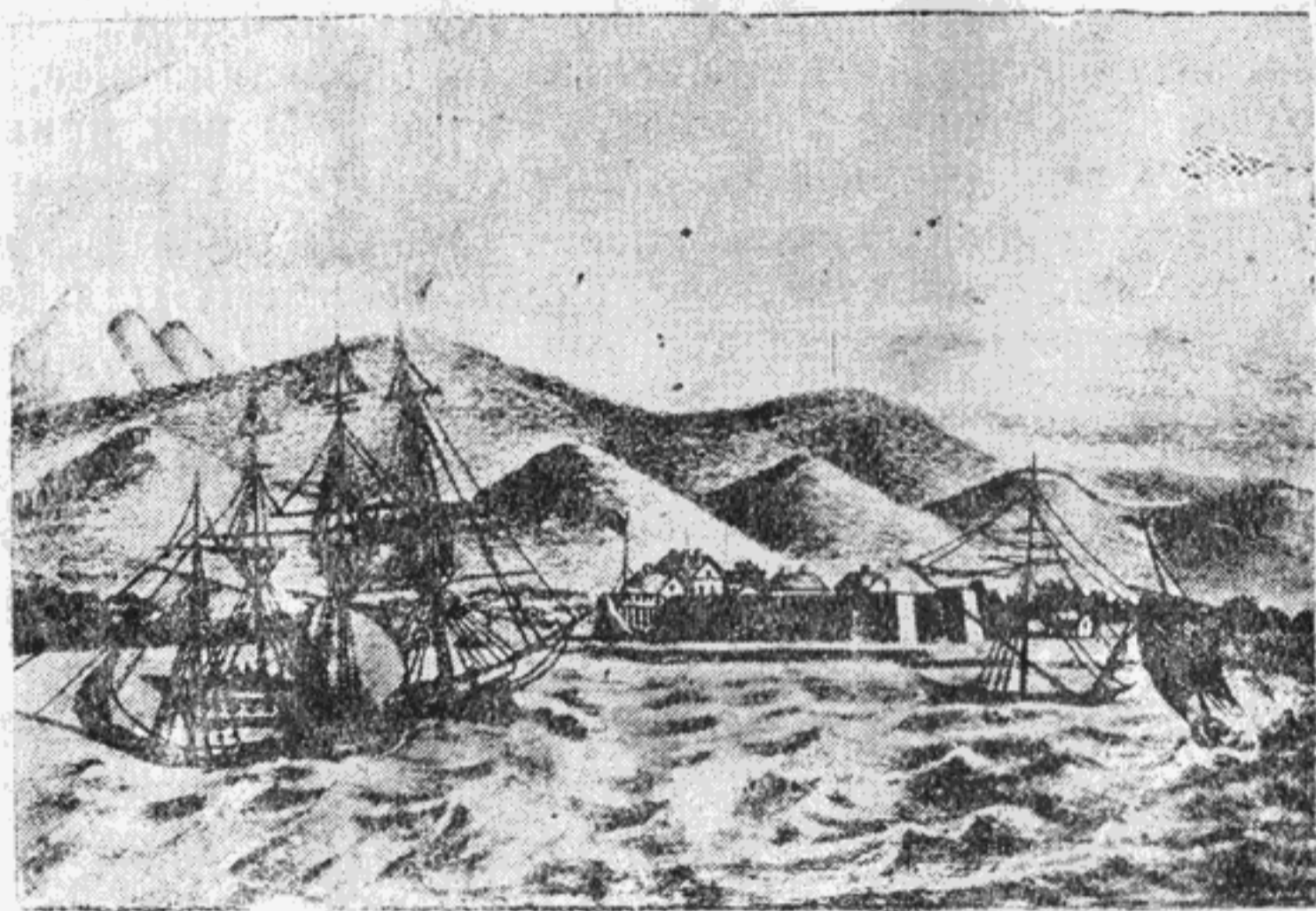
²⁾ „Путешествие вокруг Кавказа“—Фредерик Дюбуа де Монперэ. Сухум, АбНИИ, 1937, том I, стр. 134.

³⁾ „Вестник Европы“, сентябрь 1867 г., т. III, стр. 108.

Взятие Сухум-Кале являлось не столько победой Сафар-бея над своим братом, сколько победой России над Турцией в борьбе за Абхазию.

После этого турки, составлявшие большинство населения города, немедленно покинули густозаселенные ими предместья Сухум-Кале, и последний почти опустел.

Французский коммерсант Гамба, посетивший Сухум в 20-х годах XIX в., говорит, что город состоял из единственной улицы и базара, в котором торговали до 60 наезжих армян.

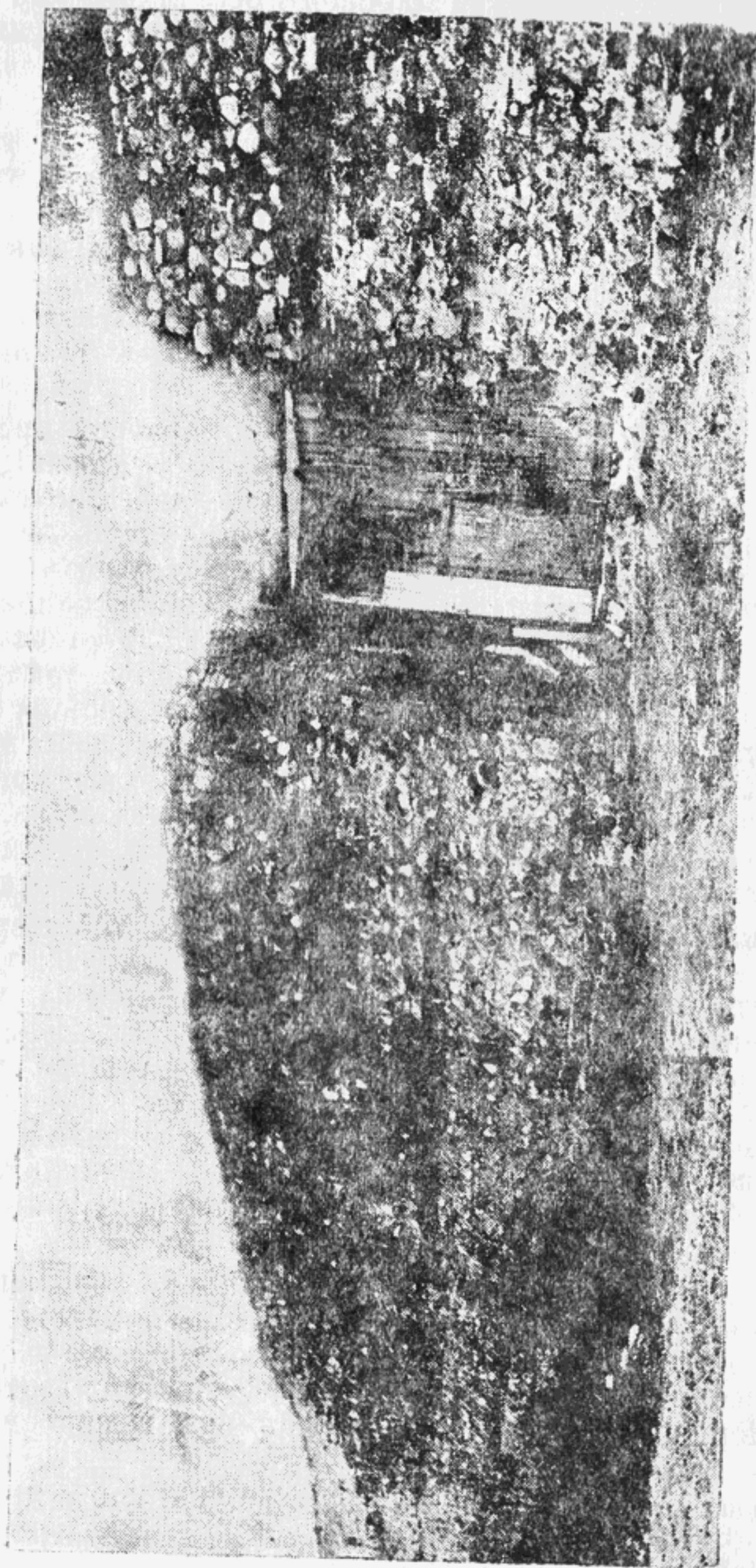
Вид Сухум-Кале в начале XIX в. (Атлас Гамба, изд. 1826 г.).

„В Сухуме сейчас, — пишет Дюбуа, посетивший его летом 1833 г., — жалкий маленький базар, где можно купить вино, мясо и какую-нибудь мелочь“¹⁾.

Но „некогда вся эта маленькая равнина (Сухумская. Г. Д.), шириной в 1½ версты, раскинувшаяся на восток от крепости до подножья холмов и до современного карантина, была покрыта домами и базаром и Сухум имел тогда население, равное 6-ти тысячам человек. По выложенным камням вода из Баслаты (Баслы. Г. Д.) растекалась по всем кварталам; в ее устье соорудили небольшой облицованный кирпичом канал для удобства маленьких турецких судов. От этого древнего Сухума ничего не осталось, кроме следов домов и улиц, заросших колючим кустарником и высокой травой“²⁾.

¹⁾ „Путешествие вокруг Кавказа“, т. I, стр. 134.

²⁾ Там же, стр. 133.

Современный вид Сухумской крепости.

Так были изгнаны из Сухум-Кале турки, господствовавшие здесь в течение двух с половиной веков. Переход Сухум-Кале и Поти в руки царской России, как уже выше подчеркивалось, совершенно лишил турок того влияния, которое раньше оказывали они на приморские области Западного Кавказа.

Но оставался еще Суджук-Кале, единственное укрепление „на том берегу Черного моря под властью Порты“¹⁾, овладев которым русские делались „полными властелинами того берега Черного моря и все горские народы, быв тогда отрезаны от всякого сообщения с турками, — писал Тормасов де-Ришелье ровно через месяц после захвата Сухум-Кале, — должны будут по необходимости быть покойными и покориться его и. величеству“²⁾.

Главнокомандующий, желая воспользоваться пребыванием русской эскадры у берегов Абхазии, а также „страхом, наведенным побережным жителям через покорение Сухумской крепости, — предписывал к. л. Додту, — не теряя времени, неуклонительно обратить с флотилиею военные действия на Суджук-Кале“. Безотлагательное исполнение этого предприятия диктовалось тем, что в это самое время успехи России на балканском театре войны принудили Турцию искать мира, и Тормасов считал „весьма полезным, не упуская времени, обратить военные действия на Суджук-Кале и по праву оружия удержать сию крепость под Российскою державою до заключения еще мира, дабы после избежать всяких затруднений и иметь неоспоримо под властью России сие место, для нас весьма нужное“³⁾.

Русские утвердились на всем Черноморском побережье. Крепости Анапа, Суджук-Кале, Сухум-Кале, Анаклия, Поти и Гуриамта, где стояли теперь русские гарнизоны, составляли военную прибрежную линию от устьев Кубани до р. Ингура, а оттуда мегрельскими берегами до устьев Риона. Это была т. н. „Черноморская линия“, законченная полностью позже, имевшая целью сковать побережье частой цепью укреплений, изолировать народы Западного Кавказа от Турции, оказывавшей им всемерную помощь в борьбе с царской Россией.

Эта линия охранялась особой эскадрой, которая крейсировала от Анапы до Батума. И мечта Тормасова о том, что „для преграждения туркам иметь с горскими народами всякое сообщение (после занятия крепостей восточного берега Черного моря. Г. Д.), можно будет крейсировать

¹⁾ Отношение Тормасова де-Ришелье от 10—VIII 1810 г. ЦВА, ВУА. № 6187, лл. 33—34, об. 37.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

нескольким судам между Анапой и Трапезонтом (Трапезундом. Г. Д.)“¹⁾), — почти осуществилась.

Энергичная деятельность русской эскадры, совершенно обезопасив приморские области Западного Закавказья со стороны турок, дала возможность генералу Торماسову уже в начале 1811 г. озаботиться устройством торговых сношений Черноморского побережья с Крымом при посредстве особо учрежденной для этого „акционерной мингрельской компании“, которая должна была быть основанием прочной уверенности новопокоренных азиатских областей в продолжительном их благосостоянии, через оживление тамо промышленности“, — писал Семен Броневский, феодосийский градоначальник, ген. Тормасову 8—IV 1811 г.²⁾

„Приобретение под всероссийскую державу Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии, — писал ген. Тормасов, — связало здешний край беспрепятственным сообщением с Тавридой и открыло новую отрасль промышленности между Крымом и бережными нашими владениями на Черном море. Правительство, пекущееся всегда о распространении полезной торговли, обратило внимание и на сим новоприобретенные наши владения, вследствие чего повелено было градоначальникам в торговых крымских городах Таганроге и Феодосии принять предварительные меры к соглашению торгующих обратить их торговлю с Абхазией, Мингрелией и Грузией“³⁾.

Захват Сухум-Кале являлся первым актом завоевательной политики русского царизма в Абхазии.

Захват Сухум-Кале — это начало завоевания Абхазии. Но то, что последовало дальше, в конце концов оправдывает возникший у некоторых неправильный взгляд, будто бы взятие Сухум-Кале означало взятие Абхазии. Для прочного укрепления в Абхазии понадобилась полувековая война с абхазским народом, отстаивавшим каждую пядь родной земли. Сухум лишь способствовал достижению этой цели, и, в конечном итоге, колониальная экспансия царской России в Абхазии закончилась завоеванием последней.

Агрессия Порты склонилась перед более мощной агрессией русской России. Абхазия была отторгнута от Турции и немедленно втянута в орбиту колониальной эксплуатации русского царизма. Из двух зол это было все же меньшее, т. к. султанская Турция являлась по сравнению с

¹⁾ ЦВА, ВУА, № 6187, 1810 г., лл. 29—30.

²⁾ Акты, т. IV, стр. 540.

³⁾ Предписание ген. Тормасова ген.-м. Сталю от 18—V 1811 г. Акты, т. IV, стр. 403—404.

Россией весьма отсталой страной, находилась, по словам Маркса, на „самой низкой и варварской стадии феодализма“¹⁾.

Характеризуя состояние Турции во второй половине XVIII в., Энгельс писал:

„Наступательная сила турок была сломлена уже 100 лет тому назад. Оборонительная же сила, пока еще значительная, тоже стала убывать. Лучшим признаком этой возрастающей слабости были волнения и бунты, начавшиеся среди покоренных христиан—славян, румын и греков, которые составляли большинство населения Балканского полуострова“²⁾.

О религиозной и национальной нетерпимости в Турции Маркс писал: турок во всех различных социальных положениях „принадлежит к господствующей религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин должен при встрече уступать дорогу самому низкостоящему мусульманину“³⁾.

Зависимость от дряхлевшей и насквозь прогнившей Высокой Порты⁴⁾ ничего хорошего не предвещала Абхазии. Она была избавлена Россией от этой худшей участи.

Несмотря на устанавливавшийся русский колониальный режим, с 1810 г. начался новый период в истории абхазского народа. С этого времени Абхазия ограждается от внешних врагов военной силой России.

Русские законы, русские обычаи, язык, торговля и промышленность постепенно начинают пускать свои корни в абхазскую почву. Абхазский народ начинает приобщаться к русской культуре.

Исторические судьбы Абхазии, как и всей Грузии, связываются с судьбами великого русского народа.

Но зависимость Абхазии от России была именно наименьшим из зол, ибо господство царизма в Абхазии означало усиление угнетения народных масс, оно надевало на абхазское крестьянство, эксплуатируемое местными феодалами, новое ярмо—гнет русского самодержавия.

---

¹⁾ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 344.

²⁾ Там же, т. XVI, ч. II, стр. 9.

³⁾ Там же, т. IX, стр. 374.

⁴⁾ Там же, стр. 397.